

V

Второй періодъ «легистоманії» Екатерины (1775—1785) —Обстоятельства, побудившіа ее вернуться къ законодательнымъ работамъ —Вліяние пугачевщины: ея соціально-политическая программа и дворянскія демонстраціи Екатерины —Вліяние депутатскихъ наказовъ —Вліяние Блэкстона —Вліяние оставейскихъ учрежденій —Выборные должности Учреждения о губерніяхъ.—Идейный вкладъ Екатерины въ у. о. г.—Идеалъ и дѣйствительность дворянского самоуправления.—Стремленіе пріурочить его къ службѣ и чину.—Значеніе губернскихъ учрежденій для распространенія дворянской культуры въ провинціи —Общий планъ екатерининскихъ преобразованій —Исключевіе изъ него крестьянского вопроса —Характеръ жалованныхъ грамотъ сословіямъ.—Предположенія о реформѣ центральныхъ учрежденій.—Причины, почему эти предположенія были отложены

«Недоразумѣніе», о которомъ мы говорили въ началѣ предыдущей главы, разсѣялось Власть и общественное мнѣніе пошли различными путями, и когда эти пути пересѣклись вновь, ихъ встрѣча была, какъ увидимъ, далеко не дружественного характера. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому столкновенію, намъ слѣдуетъ познакомиться ближе съ путями, избранными властью.

Выборъ этотъ происходилъ при трудныхъ обстоятельствахъ, и нельзя отрицать что,—при этихъ обстоятельствахъ,—онъ въ значительной степени оказался вынужденнымъ. Однако, въ трудныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ идеть рѣчъ, не было ничего, что не было бы подготовлено предыдущимъ общимъ положеніемъ дѣлъ. И, въ этомъ смыслѣ, окончательный выборъ направленія внутренней политики не былъ чѣмъ либо новымъ и неожиданнымъ. Краски сгустились; очертанія стали рельефнѣе; но, въ общемъ, это тотъ же тонъ, тѣ же тенденціи, которые намѣтились у Екатерины давно, какъ мы могли видѣть и изъ нашего предыдущаго изложенія.

1774 годъ былъ однимъ изъ тяжелыхъ годовъ для Екатерины. Съ турецкаго театра войны до самаго конца юля получались свѣдѣнія одно неудовлетворительнѣе другого. Внутри имперіи разгоралась жажда, грозившая принять небывалые размѣры. Слухъ за слухомъ приходилъ изъ Москвы, что чернь волнуется, что тюрьмы переполнены открытыми сторонниками Пугачева, что губернаторъ привужденъ быть стрѣлять въ мятежную толпу, что 18 человѣкъ повѣшено. Дворянство, въ свою очередь, первничало и не скрывало своего раздраженія

противъ правительства, которое не умѣетъ его защитить. И среди этой, переполненной политическою отравою атмосферы, раскрылась старая рана екатерининского правлѣнія,—вопросъ о ея отношеніи къ наслѣднику престола. Все, что притаилось при самомъ дворѣ оппозиціоннаго, заговорило или, предполагалось, должно было заговорить. Героп и участники и даже простые свидѣтели переворота 1762 года, казалось, самыми своимъ присутствиемъ снова напоминали про непрочность положенія Екатерины. Этотъ психологический моментъ окончательно толкнулъ императрицу отъ Орловыхъ и Чернышевыхъ къ Потемкину. Но Потемкинъ быть только надежной точкой опоры, точкой приложенія силы; силой осталась сама Екатерина. И, надо сказать, она обнаружила гибкость и энергию, которая помогли ей справиться съ трудностью положенія. Утѣшная вскорѣ послѣ того Роберта Гуиннинга, англійскаго представителя,—который, правда, ждалъ отъ нея войскъ, а не утѣшений, въ затруднительномъ положеніи Англіи,—Екатерина обмолвилась нѣсколькими искренними словами о своихъ собственныхъ затрудненіяхъ, только что пережитыхъ ею «Повѣрьте мнѣ, я не основывала своей надежды на успѣхѣ на какомъ-либо одно изъ средствъ дѣйствія. Есть моменты, когда не приходится быть слишкомъ ригористичной». И дѣйствительно, мы видимъ не одну, а нѣсколько Екатеринъ, борящихся съ приливомъ, готовымъ ее захлеснуть. Она осыпаетъ золотомъ первого встрѣчнаго шарлатана, явившагося съ Поволжья съ предложеніемъ выдать или убить Пугачева; и она же обращаетъ всю пугачевщину въ шутку въ своей литературно-дипломатической болтовнѣ съ Вольтеромъ, Гриммомъ и мадамъ Бельке. Она отдаляетъ вѣрныхъ друзей, привыкшихъ дѣлить съ ней власть, и дѣлаетъ будирующаго противъ нея, но безопаснаго честолюбца Панина—усмирителемъ пугачевщины. Она отмѣняетъ, послѣ трудной и дорогой войны, рядъ податей, чтобы доказать, что русскіе финансы въ блестящемъ положеніи; и она выбираетъ Москву, средоточіе оппозиціи, ареной своихъ блестящихъ празднествъ по поводу заключенія мира. Напрасно близорукіе партизаны, въ родѣ Сиверса, всеми силами отговариваются отъ этого путешествія въ Москву. Екатерина лучше ихъ понимаетъ значение политической *mise en scèне*, и съ той же демонстративностью, съ какой она устраивала въ Москвѣ открытие своей Комиссіи, она выбираетъ это же самое мѣсто для продолженія своихъ законодательныхъ трудовъ. Да, она, наконецъ, будетъ продолжать эти труды: не только потому, что все этого ждутъ отъ нея въ Европѣ, что сама жизнь требуетъ реформъ, сколько потому, что теперь—это козырь въ ея рукахъ, одинъ изъ «инструментовъ царствованія»: потому что, какъ она хорошо понимаетъ сама, даже и безъ совѣтovъ Бибикова, однихъ палліативовъ и зрелицъ мало, чтобы побороть общее недовольство; потому наконецъ, что это ея профессія и ея спеціальность «дѣлать людей довольными»,—тѣхъ людей, которые ей нужны,—и потому что для

этой цѣли у. нея есть, какъ она увѣрена большій запасъ рецептовъ и средствъ.

Изъ этого запаса она, конечно, пустить въ дѣло тѣ средства, которых требуются данной минутой. Всмотримся внимательнѣе въ главный фактъ, послужившій психологическимъ толчкомъ для новаго привива екатерининской «легисломаніи», и мы легко поймемъ, что и почему поставлено было на ближайшую очередь.

Главнымъ толчкомъ было, конечно, то положеніе вещей, которое съ особенной ясностью было обнаружено пугачевщиной. Пугачевщина, какъ фактъ, могла быть устранина смѣлой операцией. Пугачевщина, какъ симптомъ, требовала систематического и продолжительного леченія.

Въ своемъ происхожденіи, пугачевщина была однимъ изъ давно знакомыхъ Москвѣ проявленій борьбы между рядовымъ казачествомъ и казацкой аристократіей. Въ этой соціальной борьбѣ московская политика постоянно стремились дать перевѣсъ казацкой старшинѣ надъ казачествомъ, казачеству надъ поспольствомъ (крестьянствомъ). Но иногда правительству поневолѣ приходилось поддерживать демократические элементы, — когда болѣе вліятельныя общественные группы слишкомъ уже открыто обнаруживали автономистскія стремленія или вступали въ сношенія съ поляками и турками. Во второй половинѣ XVIII вѣка положеніе дѣла значительно перемѣнилось. Съ одной стороны, уже не было больше основаній опасаться, что казацкая старшина восточной русской окраины войдетъ въ союзъ съ политическими врагами Россіи. Съ другой стороны, соціальный процессъ закрѣпошенія поспольства и присвоеніе казацкихъ земель въ частную собственность старшиной — къ этому времени почти завершился; и этотъ быстрый ростъ земельной силы новой казацкой аристократіи отлично гармонировалъ съ ростомъ шляхетскихъ тенденцій въ самой Россіи. Вотъ почему политика Петербурга на Дону и особенно на Волгѣ уже совсѣмъ не представляеть даже тѣхъ, чисто вѣшнихъ заигрываній съ казацкой демократіей, какихъ нечужда была политика Москвы на Днѣпрѣ. Старшинская партія стала здѣсь окончательно — правительственной, а войсковая — оппозиціонной. Новорожденное казацкое дворянство и старшинская бюрократія быстро сознали свою солидарность съ дворянствомъ и бюрократіей имперіи. И еще быстрѣе простой народъ, закрѣпошаемый тѣмъ и другимъ дворянствомъ, долженъ былъ признать въ обоихъ своего общаго врага; — тѣмъ болѣе, что притокъ бѣглыхъ переселенцевъ изъ центра на окраины никогда не прерывался и приносилъ съ собой постоянно свѣжую струю соціальной вражды, обостряемой еще болѣе — крѣпостническими стремленіями мѣстной казацкой старшины. Этой солидарностью чувствъ и интересовъ обѣихъ соціальныхъ группъ въ центрѣ и на окраинѣ объясняется, почему движеніе, вначалѣ специфически казацкое, антистаршинское, такъ легко и быстро

перекинулось изъ только что начавшей заселяться территоріи казаковъ и инородцевъ въ черту (тоже не особенно старого) помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права. Пугаченскія прокламаціи не оставляли никакого сомнѣнія относительно соціального характера движенія. Главная цѣль его — истребленіе «тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытись Россіею, но и природныя казачы войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». «Всему свѣту извѣстно,— заявлялось въ прокламаціи одного изъ сообщниковъ Пугачева,— сколько во изнуреніе приведена Россія. Отъ кого-жъ? Вамъ самимъ то небезызвѣстно. Дворянство обладаетъ крестьянами; но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они... куже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами. Компанѣйщики завели премноожество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ». Самъ Пугачевъ не упускалъ случая объяснять, что и потерпѣлъ онъ, и лишевъ былъ престола—за свою попытку улучшить положеніе крестьянъ: за то, что хотѣлъ перевести дворянство на жалованье, а земли вернуть крестьянамъ *). Конечно, есть въ прокламаціяхъ и другіе мотивы: тягости со стороны государства (подушная подать и рекрутчина) и перемѣна вѣры. Но и эти оба мотива ставятся въ самую тѣсную связь съ главнымъ, антидворянскимъ. «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того съ ихъ зловреднаго умысла, съ нѣмецкихъ обычаевъ, введенъ въ Россію другой законъ, и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какт въ крестѣ, такъ и въ прочемъ, неистовства; и подвергнули, кроме (т.-е. вопреки) нашей монаршой власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой и крайней гибели». Исходъ намѣчался самъ собою: замѣнить дворянское войско—казацкимъ; тогда нѣ нужно будетъ ни помѣщичьихъ, ни государственныихъ сборовъ, ни рекрутчины. «Вѣрноподданныхъ» Пугачева ожидала «вольность, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору; войско изъ болѣножелающихъ къ службѣ великое исчислѣніе имѣть будетъ; дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будутъ, понеже каждый восчувствуетъ прописанную вольность и свободу».

Современники хорошо понимали, что сила Пугачева не въ немъ самомъ, а въ этой соціально-политической программѣ, которая съ своего рода необходимостью вытекала изъ всей вѣковой исторіи крестьянства и явилась неизбѣжнымъ, неустранимымъ выраженіемъ его классового самосознанія. (Ср. «Оч.», I, 138—139, 209 и слѣд.). Въ этомъ смыслѣ,

*.) Ср. Очеркъ, I, стр. 214—215 (4 изд.).

вся крестьянская Россия была пугачевской. «Не вездѣ ль опасность одинакова? И не весь ли черный народъ вообще, когда не въявь, такъ въ сердцахъ своихъ—бунтуетъ и готовъ поднять на насъ свои руки?» Такъ спрашивалъ себя, всего въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, помѣщикъ Болотовъ, смущенный слухами о приближеніи Пугачева. Единственной гарантіей противъ «этихъ бородачей» Болотовъ считалъ, что ему случилось быть въ тотъ моментъ *не въ своей*, а въ государственной деревнѣ. «Тамъ наши люди первые могли бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ мы—сторона дѣло. *Ничѣмъ мы имѣеще не нагрубили*». И однако, и въ этихъ ожиданіяхъ Болотовъ ошибся. Обратившись къ новобранцамъ, собраннымъ противъ Пугачева, съ увѣщаніемъ «драться хорошенько», онъ услышалъ отъ одного изъ нихъ самый недвусмысленный отвѣтъ. «Да, сказалъ онъ мнѣ на сie, злодѣйски усмѣхаясь; сталь бы я бить свою братю! А развѣ васть, боарь, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье *ciel!* Не мудрено, что тотъ же Болотовъ,—писатель и интеллигентъ, какъ мы знаемъ,—будучи допущенъ вмѣстѣ съ другими «дворянами и господами» къ самому эшафоту Пугачева, вынесъ изъ зрѣлища казни одно только чувство—сословнаго удовлетворенія этимъ «истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ» *).

Политика власти, когда приходилось выбирать между противоположными интересами дворянства и крестьянства, намъ хорошо известна. Мы видѣли, что уже Иванъ Грозный, впервые выставившій демократическо-монархическую программу, резумѣть подъ своимъ демократизмомъ собственно защиту интересовъ служилаго «воинства». То же самое «воинство», опираясь на которое Грозный «игралъ» со знатью, «какъ съ младенцами», вынесло на своихъ плечахъ смуту и посадило на престолъ новую династию. Взаменъ того, оно получило право свободного распоряженія крѣпостнымъ трудомъ и значительную долю участія въ выгодахъ установившагося бюрократического режима. Наконецъ, на то же «воинство» предпочиталъ опираться и Петръ Великій въ борьбѣ съ своими многочисленными врагами **). Зато, самъ того не сознавая, онъ посѣялъ зародыши сословныхъ привилегій въ западноевропейскомъ смыслѣ среди излюбленнаго имъ гвардейскаго офицерства. Теперь эти сѣмена принесли свой плодъ. Корпоративное сознаніе зародилось; не хватало только корпоративной организаціи, и эту орга-

*) Съ другимъ чувствомъ—«отвращенія», боровшагося съ любопытствомъ—ушелъ отъ того же эшафота пятнадцатилѣтній И. И. Дмитріевъ, писатель слѣдующаго, Карамзинскаго поколѣнія. «Чувствительное сердце его» (онъ говоритъ про своего брата эти слова, которые можно отнести и къ нему самому и ко всему поколѣнію) уже «не могло выносить такого позорища».

**) См. Очерки, III, 1, стр. 65, 77—89, 147—149.

низацію предстояло дать Екатеринѣ, чтобы успокоить недовольство, вызванное въ дворянствѣ успѣхами пугачевщины.

Для начала Екатерина посѣшила—еще во время самой борьбы и въ интересахъ ея успѣха—признать свое дѣло солидарнымъ съ дѣломъ дворянства. Когда, по вызову Бибикова, казанское дворянство постановило сформировать особый конный корпусъ, Екатерина велѣла передать дворянамъ, что она, въ виду пожертвованія ихъ, «поставляетъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ—цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимо почитать съ собственною нашей и имперіи нашей безопасностью и благосостояніемъ». Съ своей стороны, «яко помѣщица той губерніи», императрица приказывала поставить въ дворянскій корпусъ рекрутъ съ дворцовыхъ волостей. Демонстрація Екатерины вызвала высокопарный отвѣтъ дворянства, написанный Державинымъ. По старинному дворянне умилялись, что императрица «пріемлетъ на себя рабы название», и, переходя въ новый тонъ, восклицали: «признаемъ тебя своею помѣщицею: принимаемъ тебя въ свое товарищество; когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе и ты ходатайствуи за нась у престола величества твоего».

Эту роль—ходатая передъ самой собой за дворянство—Екатеринѣ не трудно было выполнить послѣ всего того, что было сказано и сдѣлано депутатами ея Комиссіи отъ собственного имени дворянства. Насущные потребности и корпоративныя тенденціи дворянъ были ей хорошо известны изъ наказовъ и рѣчей, изъ преній и баллотировокъ по вопросу «о правахъ благородныхъ». Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ тому, что Екатерина взяла изъ этого источника, намъ надо познакомиться съ идеологическими источниками сословного законодательства Екатерины.

Источники эти были такъ же не похожи на прежнихъ вдохновителей Екатерины, какъ не похожъ былъ и ея новый пріемъ подготовки законопроектовъ—наединѣ съ собой, въ собственномъ кабинетѣ, иногда съ однимъ—двумя экспертами, призывамыми *ad hoc*,—на старую форму шумныхъ преній въ Комиссіи. Провозвѣстниковъ новыхъ абстрактныхъ идей, теоретиковъ «общаго блага», «благодѣтелей человѣчества» смыкаютъ на ея рабочемъ столѣ тяжеловѣсныя историко-юридическія изслѣдованія и монографіи по специальнымъ вопросамъ. Екатерина никогда не любила политического абсолютизма Руссо; но и въ политическомъ релятивизмѣ Монтескье было еще черезчуръ достаточно абсолютныхъ элементовъ, которые она принимала на вѣру. Теперь Екатерина береть въ руководители писателя-юриста той страны, где особенно силенъ юридический консерватизмъ. Вмѣстѣ съ нимъ она готова подчинить всякую теорію существующему факту: въ этомъ фактѣ, въ существующемъ, вѣками сложившемся общественномъ строѣ, въ историческихъ прецедентахъ она ищетъ единственной твердой опоры—если не для теоріи, то для законодательства. Блэкстоунъ зани-

маеть мѣсто Монтескье. И какъ различенъ отъ прежняго способъ пользованія новымъ авторитетомъ! Цѣлыми страницами Екатерина переписывала когда-то «президента Монтескье» въ свой Наказъ и спѣшила выставить на показъ всему свѣту свой безцеремонный литературный плагіатъ. Теперь, изъ Блэкстона она ничего не береть прямо: это ея «нить, которую она разматываетъ на свой манеръ». И она совсѣмъ не читаетъ больше «экономистовъ» и всякихъ другихъ «—истовъ», которые въ изобиліи шлютъ ей свои сочиненія, стараясь подѣйствовать на ея умъ и волю. Она занимается теперь не «болтовнею», а «дѣломъ». Плоды ея новыхъ работъ въ ея глазахъ, конечно, гораздо выше Наказа; но своимъ корреспондентамъ, Вольтеру или Гримму, она вовсе не спѣшитъ теперь посыпать свои работы. Почему? О, конечно, не потому, чтобы эти «указы» не были краснорѣчивы или не принесли бы великой пользы «человѣчеству». Но дѣло въ томъ, что... «ихъ переведутъ плохо: въ нихъ больше идей, чѣмъ фразъ, а у переводчиковъ больше фразъ, чѣмъ идей»... Наконецъ,—это Екатерина пишетъ послѣ настойчивыхъ упрашиваній не въ мѣру льстивыхъ корреспондентовъ,—«это слишкомъ скучное чтеніе; это очень хѣрошо, быть можетъ очень красиво, но ужасно скучно».

Дѣйствительно, скучное, дѣловое чтеніе; но мы не можемъ освободить себя отъ него, какъ освобождала Екатерина своихъ корреспондентовъ. Послѣдуемъ за ней въ ея московское уединеніе; посидимъ надъ разгонистымъ почеркомъ ея черновиковъ, въ которыхъ пять мѣсяцевъ подрядъ, упорно маляя, зачеркизая и переписывая, она вырабатывала текстъ перваго своего капитального законодательного акта, «Учрежденія о губерніяхъ». Что взяла она здѣсь изъ дворянскихъ просьбъ и желаній? Въ чёмъ можно усмотреть идеологическое влияніе Блэкстона?

Въ сущности, оба эти источника сходились ближе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такихъ полярныхъ повидимому, явленій, какъ русская жизнь и англійская теорія XVIII-го вѣка. Мы знаемъ, что самое единодушное желаніе дворянскихъ депутатовъ заключалось въ томъ, чтобы въ русской провинціи созданы были близкія къ населенію судебно-полицейскія учрежденія и чтобы въ составъ этихъ учрежденій, цѣликомъ или отчасти, введены были выборные отъ дворянства. Но въ Англіи XVIII-й вѣкъ былъ какъ разъ вѣкомъ расцвѣта областныхъ судебнно-полицейскихъ учрежденій, отдавшихъ деревенское населеніе всесѣло въ распоряженіе класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Къ этому именно классу—лордовъ и сквайровъ, полновластныхъ хозяевъ сельской Англіи,— обращается Блэкстонъ съ своими «Комментаріями на англійскіе законы». Прирожденные законодатели и судьи, онъ должны знать законы страны, какъ долженъ быть знать имѣкое право римскій патрицій. Понятно, что здѣсь была бы неугодна демократическая теорія общественного договора. Блэкстонъ решительно

признаетъ ее «абсурдной» и оставляетъ «теоретикамъ». Оставаясь сыномъ своего вѣка, онъ не можетъ, конечно, не признавать теоріи «естественного права» вообще; но онъ весьма предусмотрительно отдѣляетъ сферу дѣйствія естественного права отъ сферы дѣйствія положительного закона. Санкцію закона (поскольку онъ не противорѣчить «здравому разсудку»), Блэкстонъ ищетъ исключительно въ правительственномъ распоряженіи. Въ своемъ уваженіи къ существующему, онъ даже идетъ еще дальше. «Хотя бы разумъ, диктовавшій законы, и не былъ ясенъ съ первого взгляда, мы обязаны слишкомъ большимъ уваженіемъ къ нашимъ предкамъ, чтобы предположить, что они дѣйствовали вовсе безъ всякаго разсужденія». Такому руководителю Екатерина смѣлѣ могла вѣриться, чѣмъ разнымъ «вралямъ» — «экономистамъ». И мы можемъ легко предположить, что роль, отведенная «джентри» въ публичномъ и частномъ правѣ Англіи, въ частности же и въ мѣстномъ управлѣніи англійского графства, очень помогла Екатеринѣ помириться съ сословно-автономистскими стремленіями русскаго дворянства.

Быть впрочемъ еще одинъ ближайшій источникъ, который могъ послужить и послужилъ нагляднымъ образцомъ тѣхъ же сословныхъ мѣстныхъ учрежденій, какихъ добивалось наше дворянство и какія въ такой полнотѣ осуществлены были въ отечествѣ Блэкстона. Въ остзейскомъ краѣ, подъ покровомъ шведскихъ бюрократическихъ формъ, «рыцарство», въ сущности, держало въ своихъ рукахъ все управление краемъ. Правда, остзейскіе порядки вызывали какъ разъ тѣ же самыя жалобы, которыя такъ часто слышатся въ дворянскихъ наказахъ. До суда и расправы и здѣсь было далеко простому, не привилегированному обывателю; за отсутствіемъ на мѣстѣ представителей законной власти, и здѣсь самоуправство было въ порядкѣ вещей; помѣщикъ и здѣсь фактически былъ высшей властью и неограниченno господствовалъ въ предѣлахъ, а частью и за предѣлами собственного имѣнія. Но даже и такое несовершенное въ юридическомъ отношеніи состояніе остзейскихъ провинцій все-таки оставалось идеаломъ для страны, гдѣ, послѣ неудачной попытки Петра (см. выше), воевода оставался единственнымъ и полновластнымъ хозяиномъ цѣлой территоріи уѣзда, гдѣ «въ одной воеводской канцеляріи совокуплены» были «дѣла всякихъ рода и званія».

Теперь эти дѣла должны были распределиться по принадлежності. Финансы, полиція и судъ получали свои отдѣльные органы въ уѣздахъ и въ губерніи; въ судѣ и полиціи получали значительное участіе выборные представители дворянства. Ближайшее мѣсто по отношенію къ населенію занялъ при этомъ судебно-полицейскій органъ, соотвѣтствовавшій лифляндскому «ордунгсгерихту». Согласно желаніямъ наказовъ этотъ органъ былъ *члукомъ* составленъ изъ выборныхъ: во главѣ его «земскій капитанъ-исправникъ» избираемый дворянствомъ; при немъ 2—3 «засѣдателя», выбранныхъ отъ дворянъ и двое отъ осударствен-

ныхъ крестьянъ, гдѣ они были. Но Екатерина хотѣла отдалить судъ отъ управлениія и организовать судебныя мѣста согласно идѣи, усвоеній ею еще въ Наказѣ: именно такъ, чтобы «всякаго человѣка судити черезъ равныхъ ему». Поэтому рядомъ съ названнымъ органомъ («нижнимъ земскими судомъ»), получившимъ преимущественно полицейское значеніе (хотя и сохранившимъ до 1889 года свою коллегіальную форму), она поставила чисто судебній органъ *первой инстанціи* для дворянъ («уѣздный судъ»), въ соотвѣтствіе такимъ же органамъ для горожанъ (городовой магистратъ) и не помѣщичьихъ крестьянъ (нижняя народная расправа—такъ назывался этотъ органъ въ первоначальномъ текстѣ). Затѣмъ суды *средней инстанціи* (уничтоженные вскорѣ, въ 1796 г.) тоже устраивались по сословіямъ: дворяне получили въ этой инстанціи «верхній земскій судъ» (остзейскій оберландгерихтъ), въ соотвѣтствіе «губернскому магистрату» и «верхней народной расправѣ» для горожанъ и крестьянъ. Весь составъ дворянскаго уѣзднаго суда былъ выборный отъ дворянства; въ верхнемъ же судѣ только два предсѣдателя были назначенные отъ короны. Напротивъ, въ крестьянскихъ судахъ обѣихъ инстанцій предсѣдателями были лица назначенные правительствомъ, т.-е. опять-таки служащіе дворяне; «не запрещалось» и крестьянскихъ засѣдателей выбирать «изъ дворянъ или ученыхъ, или чиновныхъ людей». Суды *высшей инстанціи* въ губерніи (гражданская и уголовная палата) были уже вполнѣ коронными по составу.

«Сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ провинцій», признавала сама Екатерина. Принимаясь за его осуществленіе, она и пригласила поэтому, въ качествѣ экспертовъ, одного ланддрага изъ Эстляндіи, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и лифляндца Сиверса, которому предоставлено было произвести первый опытъ введенія новыхъ учрежденій—въ Тверской и Новгородской губерніяхъ. Сиверсъ, несомнѣнно, преувеличиваетъ свою роль при самой разработкѣ проекта. Безспорно только одно, что по его совѣту исключена изъ черновиковъ Екатерины промежуточная инстанція между уѣздомъ и губерніей: *провинція*. Она и дѣйствительно являлась лишней, послѣ того какъ сами губерніи были уменьшены до размѣровъ прежней провинціи *).

Напротивъ, самая существенная черта, *отличающая «Учрежденіе»* отъ его остзейского образца,—именно, проведение болѣе стройной, чѣмъ практической,—и никогда не осуществившейся вполнѣ—системы сословныхъ «судовъ пэровъ» для крестьянъ, горожанъ и дворянства—есть, конечно, личное дѣло самой Екатерины. Въ этой идѣи нельзѧ видѣть центрального зерна, около котораго кристаллизовалось все остальное идейное содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ».

*.) Прямыми послѣдствіемъ этой перемѣны въ первоначальномъ проектѣ было накопленіе въ губернскомъ городѣ судебныхъ мѣстъ двухъ высшихъ инстанцій («палаты» и «верхніе» сословные суды, скоро отмѣненные)

Устройствомъ «судовъ равныхъ». дѣйствительно, не ограничиваются идеологические элементы «Учрежденія». Въ первоначальный проектъ закона, при самомъ началѣ его разработки, императрица вставила еще три характерныхъ органа, почерпнутые изъ другихъ источниковъ и, несомнѣнно, представляющіе то, что Екатерина считала своимъ особенно важнымъ идеинымъ вкладомъ въ Учрежденіе о губерніяхъ. Всѣ три прибавлены на поляхъ къ первоначальному тексту, разрываютъ стройность системы, и Екатерина тщетно ищетъ у Сиверса указаній, какъ бы возстановить эту стройность. Новые органы эти: 1) сиротскіе суды, дворянскій (опека) и городской; 2) приказъ общественнаго призрѣнія и 3) совѣтный судъ. Что касается опеки, указанія на это Екатерина могла найти въ наказахъ, въ томъ числѣ въ имѣвшемъ особое вліяніе на нее наказѣ сената, изъ которого усвоены ею многія частности. Но устройство приказа общественнаго призрѣнія—этого предшественника теперешнихъ земствъ, предназначеннаго вѣдать мѣстную благотворительность, медицину и народное образованіе,—стоитъ въ весомѣнной связи съ ея личными просвѣтительными тенденціями. Объ этомъ приказѣ Екатерина особенно заботится: ставить его рядомъ съ высшими мѣстами въ губерніи,—съ губернскимъ правленіемъ и судебными палатами; даетъ ему безвозвратно капиталъ въ 15.000 для начала его дѣятельности. Еще интереснѣе происхожденіе совѣтнаго суда: самое название этого учрежденія — *cour de l'équité* указываетъ на заимствованіе изъ Блэкстона. Назначеніе совѣтнаго суда — смягчать жесткость закона въ примѣненіи къ отдельнымъ случаямъ и восполнять недостатокъ законовъ: совѣтный судъ долженъ дѣйствовать тамъ, где законы молчатъ. Въ такой постановкѣ нельзя не видѣть результатовъ чтенія Блэкстона. Уже самыя вступительныя слова этой главы «Учрежденія»: «Понеже личная безопасность каждого вѣрноподданного весьма драгоценна есть человѣколюбивому монаршему сердцу» и т. д., а также дальнѣйшій параграфъ (401: «Буде кто пришлетъ прошеніе въ совѣтный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе 3 дней, и въ тѣ три дни ему не объявлено, за что онъ содержится въ тюрьмѣ или что онъ въ тѣ 3 дни не допрашиванъ, тогда с. с., не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе» и т. д.) --- показываютъ, что глава «Комментаріевъ» о *habeas corpus* произвела на императрицу сильное впечатлѣніе. Своимъ совѣтнымъ судомъ Екатерина особенно гордилась и ожидала отъ него важныхъ послѣствій. Въ своей пѣснѣ она не разъ повторяетъ, что это будетъ «могила ябеды». Въ порядкѣ губернскихъ учрежденій совѣтный судъ поставленъ еще независимѣе, чѣмъ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ обоихъ учрежденіяхъ засѣдаютъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго суды и губернатора, выборные представители всѣхъ трехъ сословій поровну.

Если даже оставить въ сторонѣ только что перечисленные органы, необходимо будетъ все-таки признать, что Учрежденіе о губерніяхъ

вводило въ наше государственное право совершенно новыя начала. Въ виду этого, Екатерина сочла даже нужнымъ теоретически оправдать необходимость подобныхъ нововведеній. Въ предисловіи къ Учреждению она ссылается на «многіе примѣры» «въ доказательство истины сей, что распространеніе предѣловъ государства, умноженіе въ овочъ народа и проишедшее изобиліе въ способахъ ко внутреннему и извнѣ текущему обогащенію (обыкновенно и повсюду) перемѣняли какъ образъ ихъ управления, такъ часто и заставляли дополнять самыя законоположенія, учинившіяся напослѣдокъ или неудобными или недостаточными, коихъ довѣрь (т.-е. которыхъ были достаточны). при основаніи державы и въ первомъ ея состояніи» *). И этотъ аргументъ далеко не былъ лишнимъ. Новыя учрежденія, прежде всего, предполагали существованіе корпоративно-организованныхъ общественныхъ группъ, выбиравшихъ своихъ представителей въ новыя общественные и правительственные должности. Но самое понятіе корпораций, какъ юридического лица, настолько чуждо было нашему праву, что Екатеринѣ пришлось объяснять это правовое понятіе выписками изъ Блэкстона и Делольма.

Не мудрено, что и для власти, и для дворянства далеко не сразу стало ясно все значеніе введенныхъ правительствомъ выборовъ и сословного представительства. Фактически у дворянства явились «предводители» уже тогда, когда надобно было устроить выборы въ Комиссію уложение. Но манифестъ 14-го декабря 1766 г. создавалъ эту должность лишь на два года—«для лучшаго между собой порядка» при выборѣ депутата и на «случай, если даны будутъ отъ верховной власти ка-

*) Въ черновыхъ текстахъ выработкѣ этого интереснаго мѣста предшествовала довольно продолжительная работа, очень характерная для истории екатерининскихъ идей о естественномъ правѣ. Указавъ на недостаточность историческихъ свѣдѣній оначалъ человѣческихъ обществъ (Блэкстонъ въ этомъ случаѣ ищетъ указаній въ Библіи), Екатерина ссылается, какъ на единственный остающійся источникъ, на «здравый разсудокъ», который «заставляетъ думать, что во всякомъ народѣ управление его» . «сходствовало съ народнымъ», пишетъ она сперва привычную мысль, но тотчасъ же оговаривается: «или взимствовало чего ни на есть отъ народнаго». Но и эта оговорка кажется Екатеринѣ недостаточной: она надписываетъ надъ стро-кой фразу, выражющую совершенно противоположную мысль (эти слова мы ставимъ въ скобки). «сходствовало съ народнымъ (или надъ нимъ власть имѣющихъ) умонарчтаніемъ». Далѣе исправленный текстъ читается (зачеркнутое Екатериной въ скобкахъ): «или же, по крайней мѣрѣ, взимствовало много или мало отъ онаго, установляемо же было или (вдругъ силою) исподволь по общему желанію (согласіемъ общимъ, надобностямъ) или силою. Перемѣны же происходили по положенію дѣлъ и разнообразныхъ военныхъ и мирныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и внешнихъ, или же по умноженію или уменьшенію людей или земли ими занятymi. Краткое сие описание замыкаетъ въ себѣ безъ изъятія пѣтолисанія всѣхъ государствъ. Мы видимъ, какъ мысль императрицы колеблется, отвыкалъ отъ «абсурдной» теоріи общественного договора и приоритета старые термины къ новому пониманію, вытекающему изъ чтенія Блэкстона»

кія особыя повелінія» относительно «всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ дво-
рянъ». На второе двухлѣтіе (1769) выборы были опять назначены
особымъ указомъ, и только при третьихъ выборахъ (1771) сдѣлано
было распоряженіе повторять ихъ впредь, не дожидаясь особыхъ ука-
зовъ. Часть дворянства, правда, уже въ наказахъ обнаружила стрем-
леніе къ постояннѣй корпоративной организаціи дворянства, потребо-
вавъ отъ правительства не только права выбора въ судебно-полицей-
скія должности, но также и права періодического созыва дворянскихъ
собраній—для выслушанія отчетовъ выборныхъ лицъ, для обсужденій
сословныхъ нуждъ дворянства и даже для представленія петицій.
Однако, «Учрежденіе о губерніяхъ» признавало лишь выборныя собранія
дворянства, и только на прямой запроcъ Безбородко о правѣ обсуж-
денія нуждъ и петицій (1778: «кромѣ выборовъ, ежели общее со-
браніе дворянства или нѣкоторые уѣзды будутъ имѣть надобность или
пожелають собраться для совѣта съ собратіями своими о нуждахъ и
пользахъ взаимныхъ... можно ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и
дѣлать представленія или жалобы именемъ общества чрезъ депута-
товъ?») Екатерина лаконически отвѣчала: «дозволить», введя затѣмъ
это дозволеніе и въ текстъ жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Такимъ образомъ, лишь мало-по-малу дѣло, начатое въ рамкахъ
прежнихъ законодательныхъ комиссій XVII—XVIII вѣковъ, разро-
слось до предѣловъ настоящаго дворянскаго самоуправленія, гораздо
болѣе напоминавшаго средневѣковыя сословныя учрежденія Запада,
чѣмъ губныя учрежденія Грознаго или «всеуѣздныя избы» москов-
скаго черносошнаго сѣвера.

Но, отставъ отъ одного берега, пристали ли новые порядки къ
другому? Конечно, нѣтъ,—и этимъ объясняются колебанія теорети-
ковъ государственного права, слѣдуетъ ли признать дворянскія учре-
жденія Екатерины за самоуправление вообще. Стоитъ взглянуть на
сосѣднюю Лифляндію, послужившую ближайшимъ источникомъ этихъ
учрежденій, чтобы замѣтить и оцѣнить всю разницу. Въ Лифляндіи
даже коронныя должности, замѣщаемыя мѣстнымъ дворянствомъ,
пріобрѣтали земскій характеръ. Напротивъ, у насъ, какъ сейчасъ уви-
димъ, земскія должности стремились пріобрѣсти коронный характеръ.
Средоточиемъ дворянской силы въ Лифляндіи была та самая «коллегія
ландратовъ», которую когда-то Петръ тщетно старался привить Россіи.
И эта коллегія настолько стояла въ разрѣзѣ съ духомъ екатериническихъ
учрежденій, что, къ великому огорченію Сиверса и раздраженію мѣст-
наго дворянства, она была первая уничтожена, когда Екатерина рѣ-
шилась навязать краю свои новыя учрежденія. Такимъ образомъ, вве-
деніе губернскихъ учрежденій, бывшее торжествомъ дворянскихъ тен-
денцій у насъ, явилось въ остзейскихъ губерніяхъ первымъ симпто-
момъ ихъ паденія. Такъ велико было различіе между сословными

учреждениями, въводимыми искусственно, и тѣми же учреждениями, сложившимися исторически *).

Въ чём же корень различія? Мы это поймемъ сразу, если скажемъ, что съ самаго начала дѣйствія новыхъ учреждений и власть, и дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на нового рода службу, повинность, и что общественную дѣятельность очень скоро пришлось свести къ масштабу такого единственного тогда и всемогущаго соціального мѣрила, какимъ былъ чинъ (ср. выше).

Отъ службы,—единственной, какую дворянство до тѣхъ поръ знало, т.-е. военной,—дворянство было, правда, только что уволено. Но оно такъ сроднилось съ мыслью, что только служба и даетъ ему его соціальное положеніе въ государствѣ, что никакъ не могло понять своего освобожденія и, въ массѣ, отнеслось къ освобожденію отъ службы недовѣрчиво и подозрительно. Въ самой Комиссіи вопросъ этотъ не разъ становился предметомъ горячихъ споровъ, и самые ретроградные элементы дворянства оригинальнымъ образомъ сходились съ самыми передовыми во мнѣніи, что освобождать дворянство отъ службы не слѣдуетъ. Иначе оно теряетъ право владѣть крестьянами. такова была задняя мысль у всѣхъ, въ томъ числѣ и у самихъ крестьянъ, какъ мы знаемъ («Оч.», I, стр. 214). Эта задняя мысль и явилась источникомъ всѣхъ возраженій: какъ крѣпостниковъ, въ родѣ Выродова, находившихъ, что дворянинъ долженъ служить «изъ благодарности» «за предпочтеніе передъ прочими», такъ и радикаловъ, въ родѣ Урсинуса или городского депутата Антонова, утверждавшихъ, что каждый дворянинъ долженъ «собственными заслугами» возобновлять предпочтеніе, оказанное предкамъ. Общее мнѣніе было, что, предоставленное самому себѣ, дворянство предастся праздности и бездѣлью въ своихъ имѣніяхъ. Противовѣсомъ противъ всѣхъ этихъ опасеній и явилось созданіе новыхъ коронныхъ и выборныхъ должностей по мѣстному управлѣнію. Даже такие близкіе къ губернской реформѣ люди, какъ Сиверсъ, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, поправку къ указу о вольности отъ службы. Служба на мѣстѣ являлась лучшимъ средствомъ при-мирить интересы дворянства съ нуждами правительства: сельскую жизнь съ государственной службой. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворянство переводилось только изъ министерства военнаго въ

*) Первоначально Екатерина не имѣла въ виду дѣлать свои губернскія учреждения орудиемъ русификации окраинъ. Въ черновомъ текстѣ находимъ прямую оговорку въ этомъ смыслѣ: «Все сie не касается до тѣхъ губерній, кои имѣютъ особыя конфirmedанныя привилегии, какъ-то Малороссія, Лифляндія и прочая,—и не до Сибири». И далѣе: «изъключая изъ сего нового учрежденія всѣ тѣ области, земли и княженія нашего государства, коими особыми привилегіями и жалованными грамотами отъ предковъ нашихъ и насы самихъ снабжены или нашими конфирмациами подтверждены». Ср. стр. 275—276, пренія въ Комиссіи. Какъ известно, губернскія учреждения были распространены на Малороссію въ 1782 г. и на Лифляндію и Эстляндію въ 1783 г.

министерство внутреннихъ дѣлъ. И раньше, чѣмъ имп. Николай I рѣзко выразилъ эту мысль, одѣвши всѣхъ дворянъ безъ различія въ одинъ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, «катерининскіе цѣѣтные мундиры дворянъ по губерніямъ уже намѣчали такой исходъ, хотя ближайшей ихъ цѣлью и было символизировать корпоративность и привилегированность сословія, имѣвшаго входъ ко двору.

Наиболѣе интеллигентные изъ дворянъ такъ и сносили съ самого начала новыя права дворянства, какъ новый видъ службы. «Учрежденіе собраній дворянскихъ есть истинное право», замѣчалъ, напр., Щербатовъ, «если бы оно зависѣло отъ собственного согласія или отъ тѣхъ, кого они сами начальниками себѣ изберутъ; но какъ сего неѣтъ, то они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ, для угнетенія самихъ же ихъ». Это доказывалось, по мнѣнію Щербатова самой постановкой дворянскаго представительства въ законѣ, который «уводялъ чинъ губернскаго предводителя» и ставилъ его въ полную зависимость отъ намѣстника и губернатора. Какъ известно, «хозяинъ губерніи» по Учрежденію былъ, дѣйствительно, единственнымъ и безконтрольнымъ посредникомъ между областью и верховной властью: положеніе, которое одинаково вызывало оппозицію новому закону какъ среди придворныхъ временщиковъ, такъ и среди влиятельныхъ элементовъ провинціи. По замѣчанію Щербатова, намѣстники и губернаторы, «быть despots въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія, кого пожелаютъ... а потому всѣ суды и будуть по ихъ vogѣ выбираться» *). Щербатовъ забывалъ только прибавить, что огромное большинство рядового дворянства не видѣло въ такой постановкѣ ничего обиднаго для своего корпоративного достоинства. Дворянство, какъ это мы знаемъ изъ сообщеній Сиверса, на перебой бросилось занимать губернскія должности, не различая выборныхъ отъ невыборныхъ и видя въ тѣхъ и другихъ лишь новый путь для службы и выслуги.

Необходимымъ послѣдствиемъ такого взгляда власти и самого дворянства на выборныя должности, какъ на новый типъ государственной службы, было включеніе ихъ въ рамки табели о рангахъ. «Учре-

*) Предсказанія Щербатова подтверждаются наблюденіями надъ петербургскими выборами двухъ пріѣзжихъ французовъ (1792), въ отзывѣ которыхъ, конечно, отражаются и тогдашніе толки столичнаго дворянства: «Читая указъ объ этихъ собраніяхъ, видишь, что не можетъ быть лучшихъ правильнѣйшаго простора для корпоративного обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Но до сихъ поръ власть ставила столько препятствій предположеніямъ собраній, генералъ-губернаторы такъ сильно вліяли на рѣшеніе ихъ, что результаты этихъ собраній можно считать совершенно сведенными къ нулю. Извѣстно заранѣе, кого выберутъ, потому что кандидаты указаны свыше, и власть охотно жертвуетъ формой (назначеніемъ), разъ дворянство этимъ удовлетворяется, только бы остаться по существу полновластнымъ господиномъ».

жденіе о губерніяхъ» сочло должность предводителя и дворянскихъ засѣдателей совѣтнаго и верхняго земскаго суда въ 7 классѣ, капитана-исправника и уѣздныхъ засѣдателей—въ 9-мъ, засѣдателей при исправникѣ—въ 10-мъ. Но дворянство этимъ не ограничилося. Тотчасъ же возникъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ устроить свободный переходъ съ одной «службы» на другую, съ коронной на земскую и наоборотъ. Рѣшить вопросъ полнымъ приравненіемъ «обѣихъ государственныхъ службъ» Екатерина, однако, не рѣшилась. Она ограничилась установлениемъ правила, что губернскую должность извѣстнаго ранга могъ получить только тотъ, кто по своей предыдущей службѣ дослужился до ближайшаго низшаго ранга табели *). Для дворянъ, конечно, важнѣе было добиться обратнаго, т.-е., чтобы на государственную службу дворянинъ принимался въ рангѣ, какой занималъ по выборной (и вообще губернской) должности. Практика сената, который систематически игнорировалъ ранги низшихъ должностей (заполняемыхъ по назначенію губернскаго правленія) вызывала сильное недовольство дворянъ.

Дальнѣйшее развитіе законодательства, хотя и не оправдало ожиданій дворянъ относительно губернской службы, тѣмъ не менѣе совершилось именно въ направленіи бюрократизаціи земской службы. Предводитель, также какъ исправникъ, превратились, въ концѣ-концовъ въ чиновниковъ, отягощенныхъ изобиліемъ правительственныхъ порученій. Не давая желаемыхъ правъ по службѣ, правительство не стѣснялось усложнять обязанности губернскихъ учрежденій. Въ результатѣ, послѣ первого увлеченія мѣстной службой, дворянство быстро откликнуло отъ нея **). Умственный и нравственный цензъ избирае-

*) Тотъ, кто вовсе не служилъ, не могъ совсѣмъ участвовать въ самоуправленіи: дворяне, не имѣвшіе оберъ-офицерскаго ранга, по жалованной грамотѣ 1785 г. могли присутствовать въ собраніи, но безъ права голоса и, тѣмъ болѣе, безъ права быть выбранными въ какую-либо должность.

**) Объ этомъ имѣется любопытное свидѣтельство В. Н. Каразина (1801): онъ жалуется на случайность и произволъ коронныхъ назначеній въ *высшія* губернскія должности, важныя для службы, но отнятыя у мѣстнаго общества; наоборотъ, *низшія* должности, не представлявшія служебнаго интереса, предоставлялись общественному выбору и скоро стали пренебрегаться дворянами. «Отъ сего произошло, что со временемъ открытия намѣстничествъ, мало-по-малу важность дворянскихъ выборовъ упала до того, что напослѣдокъ стали производить ихъ съ пренебреженіемъ. Никто изъ людей достойныхъ не хотѣлъ быть выбраннымъ въ уѣздные чины или въ верхній земскій судъ, и сіи мѣста предоставляли, какъ милостыню, дворянамъ, не имѣющимъ другихъ способовъ къ жизни. Вообще примѣчено, что первые выборы въ губерніяхъ были и самые лучшіе: *тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархии произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру; простылъ сей жаръ, когда увидѣли, что безпристрастіе выбирающихъ и безкорыстіе избранныхъ были равнозначны... что уездныя присутственныя мѣста суть пустая инстанція*, а дѣло вершится въ губерніи, въ коронныхъ палатахъ.

мыхъ сильно упалъ, какъ только обнаружилось, что мѣстная служба не можетъ служить предварительнымъ стажемъ для государственной. И тутъ-то выяснился вполнѣ обязательно-служебный характеръ выборной службы. «Уклоненіе» отъ выборовъ и отъ выборныхъ должностей стало трактоваться властями, какъ преступленіе; уже въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го законъ опредѣляетъ наказаніе за такое уклоненіе, потомъ пробуетъ повысить цензъ избирателей, ранги избираемыхъ, сроки ихъ службы (1831),—и все напрасно. Создавъ нѣсколько несомнѣнно полезныхъ для государства и общества учрежденій, законъ Екатерины не создалъ самоуправлѣнія въ Россіи.

Это не значитъ, однако же, чтобы губернскія учрежденія не имѣли значенія для дворянскаго сословія. Совершенно напротивъ. Отдавъ полицію, судъ и частью управление въ губерніи въ руки дворянства, «Учрежденіе о губерніяхъ» послужило началомъ огромной перемѣны въ жизни русской провинціи. Служба по выборамъ все-таки закрѣпила дворянское общество на мѣстахъ, установила связи между его членами, соединила ихъ съ городомъ, куда до сихъ поръ дворяне ѻадили только въ лавки къ купцамъ и въ канцеляріи къ приказнымъ крючкамъ, помогавшимъ имъ оттягать у сосѣда имѣніе. «Дворянство входитъ мало-по-малу во вкусъ—собираться въ городѣ и строиться тамъ», пишетъ Сиверсь о Твери и Новгородѣ. «Начало знатное дворянство не токмо въ губернскомъ городѣ часто съѣзжаться, но и строить порядочные дома для ихъ всегдашняго житъя», повторяетъ почти тѣми же словами Державинъ о Тамбовѣ. «Эпоха сія,—подтверждаетъ Болотовъ,—была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны...» «Такое хорошее и веселое житъе было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ (т.-е. на первыхъ двухъ выборахъ) по открытіи намѣстничества (Тульскаго, 1777) и было намъ столь приятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно». Послѣднія слова, которыя могли бы повторить тысячи тогдашнихъ дворянъ, показываютъ намъ, где мы должны искать сущности «великой перемѣны», совершившейся въ жизни нашего провинціального дворянства со введеніемъ губернскихъ учрежденій. Это были не дворянскія привилегіи сами по себѣ: законъ ничего или очень мало могъ бы прибавить въ этомъ отношеніи къ тому, что уже существовало фактически. Не было это и торжество порядка и законности, такъ какъ, надо признаться, губернскія учрежденія не составили и въ этомъ отношеніи какой-либо особой эры: для низшихъ слоевъ населенія большая близость власти отозвалась на первыхъ порахъ лишь болѣшимъ количествомъ приказныхъ и чиновныхъ наслѣдій, а также болѣшими расходами на новые земскія власти. «Незабвены» были для средняго дворянства годы устройства намѣстничествъ, какъ годы окончательного нарожденія въ провинціи той дворянской культуры, начало которой мы имѣли случай прослѣ-

дить въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Подъ культурой мы разумѣемъ тутъ отнюдь не какія-либо новыя явленія умственной и нравственной жизни: это просто пріобщеніе провинціи къ тѣмъ новымъ формамъ общественности, которыя вырабатывались съ начала вѣка вблизи двора и среди привилегированнаго населенія столицы (стр. 187—196).

Екатерина и тутъ первая подаетъ знакъ для общаго подражанія. Въ дни московскихъ празднествъ по поводу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1775) она развертываетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ ту самую программу, которая въ миніатюрѣ будетъ выполняться, на личный или на казенный счетъ, ея намѣстниками при открытии учрежденій въ губернскихъ городахъ. «Я здѣсь четыре недѣли,—пишетъ Екатерина мадамъ Бельке изъ Москвы, въ ожиданіи торжествъ,—два раза въ недѣлю у меня приемы, и ни разу не было меныше 400—500 дамъ; я дала три маскарада, куда допускалось только дворянство, и ни на одинъ не было роздано меныше 6—7.000 билетовъ». Въ дни торжествъ, въ іюль 1775 г. Москва еще больше переполняется провинциальнымъ дворянствомъ; и даже такія простыя души, какъ семья Болотова, удостоиваются взглянуть, въ первый разъ въ жизни, на настоящій балъ-маскарадъ, театръ и въ довершеніе всего, великолѣпный фейерверкъ. Черезъ два года у себя въ Тульѣ они будутъ показывать все это, и балъ, и маскарадъ, и театръ, и фейерверкъ, еще болѣе простымъ душамъ, чѣмъ онѣ сами. Еще черезъ десятокъ лѣтъ, проѣзжая черезъ Смоленскъ, Екатерина будетъ имѣть удовольствіе видѣть себя окруженнной цѣлымъ двѣтникомъ дамъ и дѣвицъ, въ великолѣпныхъ столичныхъ костюмахъ, и съ самыми изысканными манерами, которыхъ только въ ея скептическомъ спутникѣ, Сегюрѣ, вызываютъ подозрѣніе, что истинная культура отсутствуетъ подъ этой маской цивилизаціи. Но дѣло, конечно, не въ томъ,—не въ этой «истинной культурѣ». Дѣло въ томъ, что дворянство довольно; что «вранье» въ провинціи на времена прекращается и уступаетъ мѣсто славословію.

Екатерина, декламировавшая и издавшая строгіе законы противъ роскоши и расточительности,—хотѣла ли одного только этого результата, сочиняя въ то же самое время, между куртагами и маскарадами, свое «Учрежденіе о губерніяхъ»? Разумѣется, она мѣтила дальше и думала захватить глубже. «Учрежденіе», по ея мысли, было только обломкомъ, отдѣльнымъ кускомъ большого дѣллаго; и если она издавала его первымъ, то лишь для того—какъ она сама выразилась въ предисловіи,—чтобы «приготовить тѣмъ самымъ и облегчить лучшее и точнейшее исполненіе полезнѣйшихъ впредь издаваемыхъ узаконеній». Послѣдующія обстоятельства—и особенно увлеченіе внѣшней политической такъ и свели все зданіе законодательства Екатерины къ обломкамъ. Но это не мѣшаетъ намъ попытаться восстановить изъ намековъ и набросковъ, по крайней мѣрѣ, его общіе контуры.

Ближайшій свидѣтель второго периода екатерининской «легисло-

манії», Сиверсъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1779), уѣзжая изъ Петербурга, напоминаетъ императрицѣ обо всемъ, что такъ недавно еще она имѣла намѣреніе создать тотчасъ же вслѣдъ за «Учрежденіемъ о губерніяхъ». «Если ваше величество меня спросите, какой отдѣлъ я считаю важнѣе,—мнѣ будетъ трудно отвѣтить. Все одинаково необходимо: судебные уставы, уголовное и гражданское уложеніе, вексельный уставъ, инструкція казначействамъ, директорамъ экономіи (государственныхъ имуществъ), городовое положеніе, глава о дворянствѣ, преобразованіе столичныхъ учрежденій, наконецъ, прибавлю съ стѣсненнымъ сердцемъ,—сельскій законъ,—законъ человѣчности». Къ этому послѣднему, «закону человѣчности», Сиверсъ много разъ возвращается въ своей перепискѣ съ Екатериной, напоминая ей постоянно, что «въ основѣ смутъ оренбургскихъ, казанскихъ и поволжскихъ лежало невыносимое иго рабства»; что «приверженцы Пугачева состояли исключительно изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами», что «источникъ броженія всегда будетъ оставаться одинъ и тотъ же, пока не будетъ издано закона о сельскомъ хозяйствѣ». Но съ другой стороны тотъ же Сиверсъ оговаривался, что «пока такого закона нѣтъ, необходимо поддерживать положеніе дворянства какъ оно есть; если позволить крѣпостнымъ хотя бы самомаѣшій протестъ или разсужденіе, то, зная человѣческое сердце, нельзя ручаться за послѣдствія». Исходя изъ такого же «знанія человѣческаго сердца» и пониманія пугачевщины, Екатерина, какъ мы знаемъ, уже сдѣлала свой выборъ. «Законъ человѣчности» къ этому времени уже не представлялся ей—не только легко осуществимымъ, но даже и осуществимымъ вообще. Она молчаливо вычеркнула его изъ списка своихъ будущихъ преобразованій. Хорошо еще, что «знаніе человѣческаго сердца» не позволило ей искать рѣшенія крестьянского вопроса въ томъ, въ чемъ искали его многіе современники,—и въ томъ числѣ Сиверсъ: въ систематической раздачѣ всѣхъ государственныхъ крестьянъ во владѣніе дворянству. Это не помѣшало, правда, усиленной раздачѣ этихъ же крестьянъ фаворитамъ и усиленной продажѣ дворянамъ государственныхъ земель; не помѣшало и юридическому укрѣплению дворянской власти надъ крѣпостными на основахъ частнаго права. Въ итогѣ, по заключенію современного специалиста, «въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія».

Словомъ, «законъ человѣчности» надо исключить изъ перечня, сдѣланного Сиверсомъ. Остаются основныя права сословій и кодификація материальнаго и процессуальнаго права. Послѣднее осталось не только не выполненнымъ, но почти и не начатымъ,—если не считать подготовительныхъ выписокъ изъ старыхъ законовъ, сдѣланныхъ въ Комиссии и, можетъ быть, подобныхъ же выписокъ, представленныхъ Екатеринѣ Соймоновымъ въ восьмидесятыхъ годахъ, съ распределеніемъ

ихъ на этотъ разъ «по блэкстоновыи заглавіямъ». Главный интересъ Екатерины сосредоточился на болѣе легкой и благодарной задачѣ, на составленіи жалованныхъ грамотъ разнымъ сословіямъ. Для этого материалъ въ значительной степени былъ заготовленъ частными комиссіями. Наибольшаго вниманія удостоились, конечно, материалы для жалованной грамоты дворянству: здѣсь принты были Екатериной во вниманіе не только проектъ и докладъ частной комиссіи, но и пренія «о правахъ благородныхъ» въ большой Комиссіи, где эти пренія заняли, какъ мы знаемъ (стр. 277) не мало засѣданій. Однако, текстъ грамоты, выработанный Екатериной, остается оригинальнымъ: главное его отличіе отъ материаловъ состоитъ въ томъ, что особенно разработаннымъ оказывается у Екатерины отдѣлъ о корпоративныхъ правахъ дворянскихъ обществъ (въ материалахъ онъ едва яамѣченъ въ главныхъ чертахъ), тогда какъ перечисленіе отдѣльныхъ личныхъ правъ, требовавшихся депутатами, значительно сокращено или представлено въ болѣе обобщенной, юридически-систематизированной формѣ. Эту разницу нельзя не поставить въ связь съ изученіемъ заинтересовавшихъ Екатерину образцовъ европейского государственного права. Та же разница между проектами и составленнымъ Екатериной текстомъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ замѣчается въ Городовомъ положеніи, черновикъ котораго составленъ былъ Екатериной уже въ 1779 году. Материалъные особенности и условия русской городской жизни отходятъ здѣсь еще болѣе на второй планъ передъ чисто формальными вопросами корпоративного городского устройства. Вниманіе императрицы какъ будто устремлено, главнымъ образомъ, на то, чтобы выдержать, насколько возможно больше, симметрію между городскимъ и дворянскимъ корпоративнымъ устройствомъ. Идеология разошлась здѣсь еще дальше съ практикой—уже въ самой формулировкѣ закона. Какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ («Оч.» I, стр. 201, изд. 4-е), городская автономія явилась гораздо въ большей степени, чѣмъ дворянская, мертворожденнымъ плодомъ. Органы самоуправленія здѣсь еще скорѣе и безпрепятственно приняли характеръ правительственныеи администривныхъ органовъ, чѣмъ это было съ дворянской службой по выборамъ. Въ третьей жалованной грамотѣ, «сельской» (предназначавшейся конечно только для свободныхъ крестьянъ вѣдомства директора экономіи)—формальные вопросы получили еще больше преобладанія, и интересъ къ симметріи окончательно за-заблдалъ надъ интересомъ къ материальному содержанію сельской жизни. Вся эта грамота есть не болѣе, какъ отдѣлъ городской грамоты о ремесленной управѣ, съ замѣной только термина «городской» терминомъ «сельскій». Не мудрено, что въ результатѣ получилось иѣ-что совершиенно не примѣнимое къ сельскому быту вообще и къ русскому быту, съ его своеобразностями, съ его общиннымъ землевладѣніемъ,—въ особенности. Крестьянинъ трактовался какъ цеховой, за его работой устанавливался самый мелочной надзоръ; для получения

права на ведение самостоятельного хозяйства онъ подвергался экзамену и т. п. Естественно, что этотъ проектъ такъ и остался въ бумагахъ Екатерины, не получивъ дальнѣйшаго движения. Онъ не оказалъ даже никакого вліянія на позднѣйшее киселевское устройство казенныхъ селеній, проникнутое отчасти сходныхъ духомъ детальной правительственной опеки.

Необходимо остановиться еще на одной чертѣ екатерининского плана реформы, не обратившей на себя должнаго вниманія исследователей. Во главѣ реформированного государства она хотѣла поставить реформированныя центральныя учрежденія. Рассказывая о своихъ намѣреніяхъ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому, она представляетъ свой планъ (1775) въ слѣдующихъ чертахъ: «Окромѣ трехъ государственныхъ коллегій, прочія исчезнутъ (ср. «Оч.», I, 171). Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату оборотить я намѣрена Комиссию уложенія». Только сопоставляя эти торопливыя слова съ извѣстнымъ намъ совѣтомъ, поданнымъ Екатеринѣ Дидро, мы можемъ понять полное значеніе ея намѣренія. Что это намѣреніе не было случайнымъ, только мелькнувшимъ въ ея головѣ и тотчасъ же оставленнымъ, видно изъ дальнѣйшей судьбы его. Къ своей идеѣ о переустройствѣ сената Екатерина вернулась въ 1787 г., т.-е. наканунѣ второй турецкой войны и французскихъ замѣшательствъ. Въ это время былъ составленъ ею проектъ указа о сенатской реформѣ. Текстъ указа пока неизвѣстенъ, но о содержаніи его можно заключать съ большой вѣроятностью, если сопоставить то, что говорить о немъ секретарь Екатерины, Храповицкій,—съ одной позднѣйшей запиской Безбородко (1799), очевидно, основанной на томъ же указѣ и частью передающей подлинныя выраженія его. Здѣсь, послѣ несомнѣнно екатерининскихъ замѣчаній объ устройствѣ высшихъ судовъ, совѣстнаго и уголовнаго, находимъ фразу: «все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзiranіе правъ государственныхъ... Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посыпается на разсмотрѣніе въ сie собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властію». По прямому смыслу этого мѣста, подъ «всѣмъ собраніемъ депутатовъ» приходится разумѣть собраніе однихъ только сословныхъ депутатовъ двухъ упомянутыхъ высшихъ судовъ. Но, даже при такомъ пониманіи остается несомнѣннымъ, что въ этой ограниченной формѣ собранія депутатовъ сохранился здѣсь слѣдъ той «палаты» при сенатѣ, въ которую Екатерина хотѣла еще въ 1775 г. превратить свою Комиссию уложенія *).

*.) Еще ближе бы былъ бы смыслъ этой фразы въ первоначальному намѣренію императрицы, если бы оказалось, что она цѣлкомъ переписана Безбородкомъ изъ первоначального проекта, безъ соображенія съ другими частями его черновика.

Когда же совершилась эта замѣна болѣе широкаго плана болѣе узкимъ? Десять дней спустя послѣ цитированной выше замѣтки Храповицкаго, подъ 26 апр. 1787 г. встрѣчаемъ въ его дневникѣ сравненіе, сдѣланное Екатериной между ея «собраніемъ депутатовъ» и Assemblée des Notables, созванной Людовикомъ XVI, въ видѣ неизбѣжной уступки общественному мнѣнію Франціи. Вынужденный характеръ такой уступки Екатерина очень хорошо понимала. Въ январѣ 1788 г. Храповицкій заносить въ дневникъ: «разговоръ о обстоятельствахъ Франціи, и что ей должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго королемъ обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ». Екатерина, конечно, не нуждалась въ такомъ героическомъ средствѣ, «дабы избѣгнуть» того, что Дидро считалъ ея «обѣщаніемъ», торжественно даннымъ передъ всей страной. Тѣмъ не менѣе въ положеніи была извѣстная аналогія, и тонкая проницательность Екатерины относительно положенія Людовика XVI, несомнѣнно, имѣла источникомъ ея личный тяжелый опытъ. Въ своемъ предисловіи къ Учрежденію о губерніяхъ она не даромъ нашла нужнымъ оправдываться войной въ пріостановкѣ своей законодательной дѣятельности. «Свѣту извѣстно, что въ 1766 г. уже приступили мы къ созыву депутатовъ со всей имперіи, и уже оставалось намъ ожидать отъ трудовъ Комиссіи уложенія плодовъ, соответствующихъ нашему попеченію о благѣ общемъ и частномъ, какъ объявленіе съ турецкой стороны въ 1768 году войны Россіи и шестилѣтнее продолженіе оной, отвлекая людей и возможности отъ продолжительного сочиненія цѣлаго узаконенія, и умножая собою бремя, заняло время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ» и т. д. Теперь, послѣ десяти лѣтъ мира, Екатерина опять поднимала нить своей завоевательной политики. Подобно первой турецкой войнѣ, и вторая должна была отнять у ней «время упражняться пріятнѣйшимъ сердцу трудомъ—снабдить имперію нужными и полезными учрежденіями». Прошло еще два съ половиной мѣсяца послѣ послѣдней замѣтки Храповицкаго, и секретарь Екатерины вноситъ въ журналъ, между извѣстіями о заграничной почтѣ, о сг҃бшномъ письмѣ къ Потемкину и о сочиненіи новой комедіи Екатериной,—ея замѣтку по поводу нового разговора о реформѣ сената: «не время теперь дѣлать реформы». И вопросъ опять откладывается, пока уже въ послѣдній годъ царствованія мы не встрѣчаемъ Екатерину вновь за сочиненіемъ «Устава о сенатѣ». На этотъ разъ, вѣроятно, и явилось ограниченіе первоначального плана, о которомъ свидѣтельствуетъ записка Безбородки *).

*) Можетъ быть, съ цѣлью замѣнить отброшенную идею контроля черезъ депутатовъ, Екатерина прибѣгла тогда же къ идѣи контроля при помощи сенаторскихъ ревизій, встрѣчаемой въ запискѣ Безбородки. «Государь не можетъ объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обиравшую ону по губерніямъ, чрезъ довѣренныхъ его особъ, и именно, одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселенскихъ депутатовъ, которые всѣ раз-

«Не время для реформъ»—это не значитъ, конечно, чтобы не было времени сочинять реформы, когда есть время для писанія комедій. Это симптомъ новаго направлениі внутренней политики, признакъ наступленія третьяго и послѣдняго періода царствованія Екатерины. Къ настроенію императрицы за этотъ періодъ мы еще вернемся. Теперь намъ нужно ознакомиться предварительно съ развитіемъ русскаго общественнаго мнѣнія за время, соотвѣтствующее главнымъ екатеринскимъ реформамъ.

Донесенія Гуннинга см. въ «Сборникѣ Ист. Общ.», т. XIX. Новѣйшая архивная работа о пугачевщинѣ принадлежитъ Н. Ф. Дубровину: «Пугачевъ и его сообщники», три тома, Спб. 1884. Объ обращеніи Екатерины къ казанскому дворянству см. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», М. 1865. Сочиненіемъ Блэкстона Екатерина пользовалась во французскомъ переводѣ: «Commentaires sur les loix anglaises», de M. Blackstone, Bruxelles, 1774—76, шесть томовъ. Объ остзейскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ XVIII вѣка см. Julius Eckardt, Livland im achtzehnten Jahrhundert, I, Lpz., 1876. Черновики Екатерины, относящіеся къ выработкѣ текста Учрежденія о губерніяхъ и Городового положенія, хранятся въ Государственномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ X отдѣлѣ; тамъ же материалы для жалованной грамоты дворянству и перебѣленныя рукописи сельскихъ положеній съ замѣтками Екатерины. Послѣднія изданы В. И. Вешняковымъ въ Сб. Ист. Об., т. XX. Сношенія Екатерины съ Сиверсомъ см. въ соч. K. Blum: Ein russischer Staatsmann, т. II, Lpz. и Heidelberg, 1857. Общи свѣдѣнія о губернскихъ реформахъ Екатерины см. въ соч. Логвицкаго, Губернія, Спб. 1865; въ курсахъ государственного права Градовскаго и Коркунова. О роли дворянства см. Романовича-Славатинскаго, Дворянство въ Россіи, Спб., 1870, мемуары Державина, Болотова, сочиненія Щербатова и др. Оцѣнка дѣятельности губернскихъ учрежденій см. въ докладѣ Балугьянскаго для комиссіи 1826 г. и въ Сб. И. Об.. т. ХС. Проекты правъ сословій, выработанные частными комиссіями, напечатаны въ Сб. И. О. т. XXXII и XXXVI. Переписка Екатерины съ Волконскимъ издана въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», П. Вартенева, т. I. Записка Волконской о прѣобразованіи учрежденій въ Сб. И. О. т. V. Наказъ сената см. въ Сб. И. О. т. LXIII. О реформѣ сената см. богатую библіографическими указаніями статью В. С. Иконникова, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1888, № 11. Записка Безбородко «О потребностяхъ имперіи Россійской» напечатана въ Сб. Ист. Общ. т. XXIX. Записка Каразина см. въ Чтеніяхъ О. И. и др. 1863, кн. III.

дѣляются такъ, чтобы каждые три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности».